

II.

**ВОЖДО** было невыгодно убивать поэта. Мертвый, он стал бы опаснее. Стихи казенного звучат сильнее. Вождю выгодно было подчинить поэта, заставить поклониться.

Да, Мандельштам написал потом посвящение Сталину. Слабенькое, старался, мучился — лучше не смог.

Попытка насилия над собой не удалась. «План Сталина потерпел полный крах, — пишет Бенедикт Сарнов («Заложник вечности»). — Потому что такие стихи мог написать Лебедев-Кумач. Или Долматовский. Или Ошанин. Кто угодно! Чтобы написать такие стихи, не надо быть Мандельштамом».

Сталин смаял его как человека, но убить в нем Поэта не смог. Поэт сам дал оценку своему опусу.

— Я теперь понимаю, что это была болезнь.

Почему же другие, многие, почти все, даже Пастернак, не говоря уж о Маяковском, так удачно и легко писали хвалу Сталину. Не знали его? Почему же этот полужуровидный, дальше всех от земли и ближе всех к небу, почему он — знал? Принято считать, что единственное стихотворение погубило Мандельштама. Можно, конечно, пойти на костер и за единственное, если оно стало итогом жизни, невероятным последним взлетом. Но обличительный стих, как и хвалебный — также невысокой пробы, здесь также не нужно быть Мандельштамом, чтобы написать его, в нем нет ни одного слова из тех, что знал только он один.

Но вот поступок — да, жертвенный! Тут нужно быть именно Мандельштамом, никто бы более не посмел.

Думать, что единственная, лишь однажды, несдержанность чувств привела его на эшафот — слишком прискорбно и несправедливо. Это упрощает и принижает поэта, низводит его до нечаянного литературного озорника.

Да, судили за стихотворение, но он шел к нему давно и напрямки, и на пути мог сложить голову гораздо раньше. Когда, например, в 1918 году схватился с Блюмкиным и, спасая от расправы не знакомого ему искусствоведа, отправился с Ларисой Рейснер к Дзержинскому. Или когда в 1928-м, случайно узнав о предстоящем расстреле пятерых стариков — банковских служащих, метался по Москве, стремясь отныне приговора. Явился к Бухарину. Приговор в конце концов отменили, и Николай Иванович счел долгом известить об этом поэта телеграммой в Ялту.

Что касается собственно стихов, то были и другие, за которые грозила кара, многие из них пришлось тщательно прятать, некоторые в итоге бесследно затерялись. Стихотворение «Ленинград», написанное в декабре 1930 года, по чьему-то головопатыству напечатала «Литературная газета». Уже тогда Мандельштаму пригрозили арестом.

Петербург! Я еще не хочу умирать:  
У тебя телефонов моих номера.  
Петербург! У меня еще есть адреса,  
По которым найду мертвецов голоса.  
Я на лестнице черной живу,  
И в висок ударяет мне вырванный  
с мясом звонок,  
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,  
Шевеля кандалами цепочек дверных.

И антисталинские строки — не единственные. Куда опаснее эти, из «Четвертой прозы», до сих пор забытой, неслышанной.

«Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове и всех посадить за стол в Доме Герцена, поставив перед каждым стакан полицейского чаю...»

Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей. Как могут они иметь детей — ведь дети должны за нас продолжить, за нас главнейшее — сказать — в то время как отцы запропаны рябому черту на три поколения вперед».

Дата написания — где-то 1930—1931 годы.

Антисталинского стихотворения не могло не быть.

Он еще слишком долго жил, этот независимый человек, он должен был погибнуть гораздо раньше.

— Вы сами себя берете за руку и ведете на казнь, — сказал ему Маркиш.

**С НАСТУПЛЕНИЕМ** 1937 года возможности уцелеть не осталось. Уже душили страну доносы, уже в полном ходу были коллективные проклятия

собратьев по перу, резолюции — «единогласно». Что говорить о чуждом и чужом Мандельштаме, когда топили в крови своих. В тюрьме, не выдержав мучений, погиб поэт Аверин Ноздрин — ПЕРВЫЙ председатель ПЕРВОГО в России Совета рабочих депутатов в 1905 году. На Колыме, в лагункте Атка умер от голода поэт Василий Князев, который написал строки, так нравившиеся Ильичу: «Никогда, никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!»

«...Ордер № 2817. Выдан 30 апреля 1938 г. Сержанту Главного Управления Государственной Безопасности НКВД Илошкину на производство Ареста и обыска Мандельштама Осипа Эмильевича, Зам Наркома Внутренних Дел СССР М. Фриновский».

Жизнь подошла к логическому концу.

**ПОСЛЕ** воронежской ссылки Мандельштам пытался зацепиться за Москву. Он пришел к генеральному секретарю Союза писателей СССР Владимиру Ставскому, тот был занят и не принял поэта. Из Союза Мандельштам отправился в Литфонд, и там, на лестнице, с ним

я смущен и обрадован. Ставскому я говорил, что буду бороться в поэзии за музыку звучащую. Впереди еще очень много корявости и нелепости, — но ничего, ничего, не страшн!»

Весь день 1 мая в доме отдыха шла гуляба.

«В ту ночь мне приснились иконы. Сон не к добру. Я проснулся в слезах и разбудила О. М. «Чего теперь бояться, — сказал он. — Все плохое уже позади...» И мы снова заснули...»

Под утро кто-то тихо постучал в дверь. Осип Эмильевич пошел открывать. Вошли двое военных и главврач.

Он одевался, а она в растерянности сидела на кровати. Очнувшись, стала собирать ему вещи. «Что так много, — по-домашнему, мягко сказал военный, — думаете, он долго у нас пробудет? Спросит и отпустят». Военный был миролюбив, однако проводить арестованного до Черусти не разрешил.

— Нельзя.  
«Во дворе запархател грузовик. Я сидела на кровати, не шевелясь».

Мы сошлись с О. М. первого мая 19-го года. Мы расстались первого мая 38-го года, когда

Осипа уже не было, он умер 23 дня назад.

...Надежда Яковлевна дождала до глубокой старости. Вся жизнь она искала ответы на два вопроса: 1. Где, при каких обстоятельствах скончался Осип — умер, погиб, убит? 2. Кто написал на него донос в 1938 году? Почему-то думалось ей, что он бы арестован по доносу.

Так и скончалась, сравнительно недавно, в неведении.

**ВОТ** — разгадка, сегодня, более полувек спустя.

Листы 13—14 нового Дела № 19390.

«Союз Советских Писателей СССР — Правление. 16 марта 1938 г. НАРКОМВНУДЕЛ тов. ЕЖОВУ Н. И.

Уважаемый Николай Иванович! В части писательской среды весьма нервно обсуждался вопрос об Осипе МАНДЕЛЬШТАМЕ.

Как известно — за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию Осип МАНДЕЛЬШТАМ был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончен. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

Но на деле — он часто бывает

нет того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию — нет темперамента, нет веры в свою строку.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком.

Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи, — я ответил бы — нет, не следует.

П. ПАВЛЕНКО».

Читатели еще не старые помнят хрестоматийное произведение Павленко, рекомендованное для изучения в средних школах. Роман назывался — «Счастье». Поколение совсем молодое имело возможность познакомиться с творчеством писателя недавно. На телеэкранах показывали старый фильм «Падение Берлина» — величальная Сталину, авторы сценария — легендарный приспособленец Чиаурели и Петр Павленко.

Содружество — лакей и стукач воспевают убийцу.

**СОСТАВЛЯЯ** злобейший донос, Ставский советовался с НКВД. Донос получился столь удачным, что на основе его разрабатывалась официальная «Справка» НКВД, послужившая сигналом к аресту Мандельштама. Многие из доноса вошло в

доносят младшие коллеги, — что в г. Калининские улицы под названием «Савеловская» нет».

Ответ в Москву направлен лишь 9 июня. Видимо, 11 дней чистоты искали Савеловскую улицу.

Вот — имущество поэта. «Квнтация № 13346. З. VI. 1938 г. Принято от арестованного Мандельштам Осип Эмильевича чеподанчик малоразмерный, помочич, галстук, воротничок, наволочка, трость деревянная. Это все, что собрала ему Надя в последний путь. И еще деньги — 36 рублей 78 копеек.

**БЫЛА** разница между тем арестом — в 1934-м и нынешним — в 1938-м. Тогда был тщательнейший обыск — агенты перерыли все книги, заглядали под корешки, резали переплеты, обшарили карманы у хозяев и гостей. Это длилось всю ночь! На этот раз никто ничего не искал. Было похоже, что сотрудники НКВД Шышканов и Шелуханов даже не знали, чем занимается человек, за которым они явились. Из чемодана бросили в свой мешок паспорт Мандельштама, рукопись, пачку переписки и книгу его стихов. Они пробыли минут двадцать.

И следствие было таким же. Если в 34-м следователь, не утруждая себя доказательствами вины, очными ставками и т. д., все же трижды допросил поэта, который «признал вину», то на этот раз никакого следствия не было вообще. Единственный короткий допрос. Мандельштам был чист, вины не признал. Впрочем, никаких конкретных обвинений ему и не предъявили, в этом не было нужды. В эту пору он уже подлежал преследованию за одну только «анкету», чуть не по каждому пункту: Родился в Варшаве. Еврей. Беспартийный. Сын купца. Судим».

Тогда был следователем Шиваров, теперь — Шилкин. Шиваров, Шышканов, Шелуханов, Шилкин — одни шипащие. Еще и Шварцман к ним, подписавший сопроводилку к протоколу «обыска-ареста».

Единственный короткий допрос состоялся 17 мая. Школьную неграмотность следователя Шилкина сохраняю.

**ВОПРОС:** Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

**ОТВЕТ:** Виновным себя в антисовет-й деятельности не признаю.

**ВОПРОС:** После высылки вам запрещено было проживать в Москве, несмотря на это вы почти легулярно наезжали в Москву. Расскажите к кому и с какой целью вы ездили в Москву?

**ОТВЕТ:** Несмотря на запрещение и не имея разрешения я неоднократно приезжал в Москву. Цель моих поездок сводилась к тому что-бы через Союз писателей получить необходимую работу т. к. в условиях г. Калинин я немог найти себе работы. По мимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы, и потребности творческого общения с сов. писателями. В дни приезда я останавливался у Шкловского (писателя) Осмеркина (художник) которым я читал свои стихи кроме вышеперечисленных лиц я так же читал свои стихи Фадееву на квартире у Катаева Валентина, Пастернаку, Маркишу, Кирсанову, Суркову, Петрову Евгению, Лахути и Яхонтову (актер).

**ВОПРОС:** Следствие известно, что вы бывали в Москве вели антисоветскую деятельность, о которой вы умалчиваете.

Дайте правдивые показания.

**ОТВЕТ:** Ни какой антисоветской деятельности я не вел.

**ВОПРОС:** Вы ездили в Ленинград?

**ОТВЕТ:** Да ездил.

**ВОПРОС:** Расскажите о целях ваших поездок в Ленинград?

**ОТВЕТ:** В Ленинград я ездил для того что бы получить материальную поддержку от литераторов. Эту поддержку мне оказывали Тынянов, Чуковский, Зощенко и Стенич.

**ВОПРОС:** Кто оказывал материальную поддержку в Москве?

**ОТВЕТ:** Братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов».

Этот допрос, спрятавшись между двойными дверями, наблюдал Павленко, который оказался другом следователя. Для него это был спектакль, который он пересказывал многим: как Мандельштам был растерян, как у него спадали брюки, и он смежно хватался за них, и т. д. Лист дела 24. «Выписка из протокола Особого совещания от 2 августа 1938 г. Постановили: Мандельштам Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность заключить в исправительный срок — на ПЯТЬ лет, сч. срок с 30/IV-38 г. Выписка направлена в Бутырскую тюрьму 16.VIII. 1938 г. для направления в Колыму».

Подпись: «Ств. секретарь Особого совещания Шапиро». Последняя шипащая.

# СМЕРТЬ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ, «Известия»

случился приступ стенокардии. Вызвали «скорую». Потом, позже из подмосковных прибрежий, из Калининской области — отовсюду, где поэт находил себе временный приют, он наезжал в Москву и пытался попасть на прием к Ставскому.

Да, не принял. Но ведь и не отмахнулся в конце концов. Ставский адресовал Мандельштама своему заместителю Лахути. Тот, приветливый и внимательный, старался хоть что-то сделать для опального поэта, даже оформил ему командировку от Союза на Беломорканал, умоляя написать про великую стройку. Лахути хотел организовать творческий вечер поэта. Не удалось.

Осип Эмильевич и сам понимал небеспредельность писательской власти и ничего утешительного не ждал. Еще давно, в июне 1937-го, он писал: «Уважаемый тов. Ставский! Вынужден вам сообщить, что на запрос о моем здоровье вы получили от аппарата Литфонда неверные сведения. Эти сведения резко противоречат письменным справкам пяти врачей от Литфонда и районной амбулатории».

Прилагаю подлинные документы и ставлю вопрос: хочу жить и работать; стоит ли сделать минимум реального для моего восстановления?

Если не теперь — то когда?»

Минули лето, осень, зима. Владимир Петрович вдруг принял Мандельштама — теперь, на пороге весны 1938-го. Он предложил поэту две путевки в дом отдыха «Саматиха» на целых два месяца. «Отсидитесь, — сказал Ставский, — пока не решится вопрос с работой». Милость судьбы! Первая удача за всю московскую жизнь. Не потому ли Ставский и не принимал поэта, что испытывал неловкость, ведь ничего реального предложить прежде не мог?

Фадеева эта новость почему-то расстроила.

— Путевки?.. Куда? Почему не в писательский дом?

...Это были езда ли не лучшие их дни. Они сами выбрали время отъезда. На станции Черусти, за Шатурой, их, как господ, ждали розвальни с овчинами, лошади повезли их по скрипящему снегу в двадцатипятиверстный путь. Оказалось, что главврач был предупрежден о приезде, ему велено было создать все условия для отдыха поэта, и он закрыл избучивальню, чтобы поселить туда прибывших — отдельно от всех, в полном уединении. Главврачу несколько раз звонили из Союза писателей и спрашивали, как поживает Мандельштам.

«Март стоял холодный, и мы слышали, как в лесу трещат сосны. Лежал глубокий снег, и мы ходили на лыжах».

Теперь с Союзом писателей, с именем Ставского поэт связывает твердые надежды. Из письма Кузину 10 марта.

«Дорогой Борис Сергеевич! Вчера я схватил бубен из реквизита Дома отдыха и, потрясая им, плясал у себя в комнате: так на меня повлила новая обстановка... В старой русской бане сосновая ванна. Глушь такая, что хочется определить широту и долготу».

...Значит, от меня чего-то доброго ждут, верят в меня. Этим

его увели, подталкивая в спину, два солдата. Мы не успели ничего сказать друг другу — нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься».

**ПОЧЕМУ-ТО** за высокими примерами женской верности и жертвенности мы обращаемся в античные времена, самые близкие к нам образцы, ставшие хрестоматийными, — жены декабристов. Но вот же, наша современница, лицом к лицу — Надежда Мандельштам. Она и во Владивосток, на гибельную Вторую речку кинулась бы за ним, только бы позволили.

Вот документ чрезвычайной силы и достоинства. Обращение в столь недосытаемый, могущественнейший адрес обычно — как к самому Богу, уж всегда по имени-отчеству, «Вы» — с большой буквы. Ничего этого нет в письме, а главное — ни слова мольбы. Документ этот никогда не объявлялся, кажется, нигде не вспоминали о нем сама Надежда Яковлевна, видимо, написано было в единственном экземпляре и — кануло.

«Москва, 19/1-39 г.

Уважаемый товарищ Берия! В мае 38 года был арестован поэт О. Э. Мандельштам. Из его письма мне известно, что он осужден ОСО на 5 лет СВИТЛ за КРД. В прошлом у Мандельштама имеется судимость по 58 ст. (за контр. револ. стихи). Вторичный арест 38 года явился полной неожиданностью. К этому времени Мандельштам закончил книгу стихов, вопрос о печатании которой неоднократно ставился С. С. П. Мы скорее могли ожидать его полного восстановления — возвращения к открытой литературной деятельности, чем ареста.

Мне неясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама — если я — вследствие его болезни в течение ряда лет не отходящая от него ни на шаг — не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы».

Безумные строки: жена осужденного просит — кого, Берия! — считать ее соучастницей, идет на костер.

«Прибавлю, что во время первого ареста в 1934 г. Мандельштам болел острым психозом — причем следствие и ссылка разрывались во время болезни. К моменту второго ареста Мандельштам был тяжело болен физически и психически неутоичив».

И прошу вас:

1. Содействовать пересмотру дела О. Э. Мандельштама и выяснить, достаточны ли были основания для ареста и ссылки.

2. Проверить психическое здоровье О. Э. Мандельштама и выяснить, закономерна ли в этом смысле была ссылка.

3. Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке.

И еще — выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожить поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности.

Надежда Мандельштам, ул. Фурманова № 3/5, кв. 26. тел. 2.64667».

«Проверить психическое здоровье...»

в Москве у своих друзей, главным образом — литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступили Валентин КАТАЕВ, И. ПРУТ и другие литераторы, выступали остро.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос — об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют, — по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об Осипе Мандельштаме.

С коммунистическим приветом В. СТАВСКИЙ».

Вот так.

Существовали разные формы уничтожения. «Характеристики», подписанные под нажимом. Подпись под общим списком. И прямые персональные доносы. Разоблачительные антипсихические кампании в Москве возглавил именно Ставский вместе с известнейшим автором революционных пьес Вишневым.

Отправка Мандельштама в дом отдыха была оперативным действием органов — чтобы не утрудить сотрудников безопасности лишней работой по розыску чужого безжалостного поэта. И звонки из Союза писателей — проверка, на месте ли. Недаром отъезд на отдых и в Чердынскую ссылку были так четко отлажены и изящно обставлены. И Фадеев сокрушался не зря.

Во всем есть взаимосвязь и всюду — в коммунальной квартире, и во Вселенной. Если уж морские приливы и отливы связаны с делами Луны, то мирские — то поступки обязательно являются отзвуком чего-то, что случилось в брэнном мире — в стране, в соседнем переулке... Только что, 13 марта, в четыре часа утра Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила к расстрелу Николая Ивановича Бухарина.

В непредсказуемое время при живом, хоть и арестованном Бухарине, да еще при неотменной сталинской резолюции «изолировать, но сохранить» Ставский не осмеливался на донос. Три дня — 13, 14 и 15 марта ушли на то, чтобы обзвонить писателей и заручиться их поддержкой («по общему мнению товарищей...»).

И что же? На коллективное обвинение желающих нашлось бы предостаточно. На персональное же, за личной подписью, согласился лишь один — Павленко. Его письмо, как «общее мнение» Ставский присовокупил к своему доносу.

**«О СТИХАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА** Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них

«Справку» дословно: «Антисоветские элементы из литераторов используют Мандельштама в целях враждебной агитации, делают из него «страдальца», организуют для него сборы среди писателей».

НКВД — организация творческая, переписав донос Ставского, старший лейтенант госбезопасности В. Юревич развивает тему дальше: «Сам Мандельштам лично обходит квартиры литераторов и вызывает о помощи». Но этого мало, чтобы казнить. Что еще добавить?

«По имеющимся сведениям Мандельштам до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды». Уже лучше, уже теплее, но еще не горячо.

И вот — резкий взлет мысли, неожиданный поворот: «В силу своей психологической неуравновешенности Мандельштам способен на агрессивные действия».

Считаю необходимым подвергнуть аресту и изоляции».

Кто-то из начальства подчеркнул карандашом столь удачную находку. Слева, на полях, в самом низу, чуть наисокок блеклый карандаш: «Г. Фриновский. Прошу санкцию на арест 27/4». Подпись неразборчива. Чуть выше уже жирный карандаш: «Арест согласован с тов. Рогинским. 29/IV 38 г.». Подпись неразборчива. Еще выше размашистый сочный синий карандаш: «Арестовать. М. Фриновский 29/IV 38 г.».

У каждого — личное орудие убийства, у кого карандаш, у кого фломастер, у каждого свой цвет — красный, синий, зеленый, фиолетовый, черный и т. д., весь спектр.

На доносе Ставского строится и обвинительное заключение следователя Шилкина, сюда перекочевывают целые абзацы доноса. О том, например, что, несмотря на запрет, поэт приезжал в Москву, где «нарочито демонстрировал свое «бедственное положение». Далее — слово в слово — из «Справки»: «5 «антисоветских элементах из литераторов» и «страдальцев»».

Вот что значит правильно составленный донос, вот какой у него долгий путь: от организации ареста — до приговора.

Прежде чем «бедственное положение» и «страдалец» взять в язвительные кавычки, агенты НКВД, чтобы изобличить поэта, провели крупномасштабную операцию.

Листы дела 7 и 8. «29 мая 1938 г. Совершенно секретно. Начальнику 4 отдела УГБ УНКВД по Калининской обл., ...Мандельштам Осип Эмильевич по имеющимся у нас данным имеет в г. Калинин 2-е квартиры, одна из них находится по Савеловской улице, д. № 52 и вторая по 3-й Никитиной ул., д. № 43. Просим срочно произвести обыск в этих квартирах... с целью обнаружения оружия, переписки и других вещественных доказательств. Результаты обыска вышлите немедленно».

Выясняется, что на ул. 3-й Никитиной поэт с женой снимали угол. Ни оружия, ни вещей, ни даже бумага агенты не нашли. А что же на другой квартире, на Савеловской, 52?

«Одновременно сообщаем, —

(Продолжение следует).

© — авторские права принадлежат «Известиям».

Продолжение. Начало в № 121